

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

К Н И Г И

Кейт Аткинсон

Музей моих тайн

Человеческий крокет

Витающие в облаках

Преступления прошлого

Поворот к лучшему

Ждать ли добрых вестей?

Чуть свет, с собакою вдвоем

Жизнь после жизни

Боги среди людей

Хозяйка лабиринта

КЕЙТ АТКИНСОН

ПРЕСТУП-
ЛЕНИЯ
ПРОШЛОГО

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
А 92

Kate Atkinson
CASE HISTORIES
Copyright © 2004 by Kate Atkinson
All rights reserved

Перевод с английского Марии Нуязиной
под редакцией Елены Микериной

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева

Аткинсон К.

А 92 Преступления прошлого : роман / Кейт Аткинсон ; пер. с англ. М. Нуязиной ; под ред. Е. Микериной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 352 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-17773-4

В высшую лигу современной литературы Кейт Аткинсон попала с первой же попытки: ее дебютный роман «Музей моих тайн» получил престижную Уитбредовскую премию, обойдя «Прощальный вздох мавра» Салмана Рушди, а цикл романов о частном детективе Джексоне Броуди, успевший полюбить и российскому читателю («Преступления прошлого», «Поворот к лучшему», «Ждать ли добрых вестей?», «Чуть свет, с собакою вдвоем»), Стивен Кинг окрестил «главным детективным проектом десятилетия». Суммарный тираж цикла превысил три миллиона экземпляров, а на основе первых его книг телеканал Би-би-си выпустил сериал «Преступления прошлого» с Джексон-ом Айзексом в главной роли.

В романе «Преступления прошлого» частному детективу Джексону Броуди предстоит заняться делами, которые полиция давно списала в архив: о таинственном ночном исчезновении маленькой девочки из родительского сада; о немотивированном убийстве дочери известного адвоката, помогавшей ему в офисе; и о кровавом эпизоде домашнего насилия в молодой семье, живущей на ферме. Казалось бы, между всеми ними нет ничего общего, да и следы простыли давно, однако ниточки, переплетаясь, тянутся в настоящее и самым неожиданным образом сводят героев — каждый со своими скелетами в шкафах...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© М. Г. Нуязина, перевод, 2010
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2020
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-17773-4

Лучший детективный проект десятилетия... Книги из тех, что суешь людям в руки со словами: «Ты просто обязан это прочесть!»

Стивен Кинг

Если кто-нибудь скажет вам, что детективы теперь умеют писать только скандинавы, а прежние «хозяева дискурса», британцы, давно выдохлись и механически воспроизводят жанровые клише пятидесятилетней давности, просто назовите ему эту фамилию — Аткинсон, и на этом разговор закончится. Рассказывая об этой 60-летней женщине, трудно удержаться от восточноевропейской непосредственности — да ведь она прямо-таки мегазвезда, Агата Кристи на стероидах, умная как черт и остроумная как тысяча чертей.

Замечательно прописанные герои, на которых навешаны камеры слежения; сцена за сценой — невероятно динамичные; здесь все не то, чем кажется, все ненадежно, никому нельзя верить; единственное, что неизменно, — это война против клише, литературных и житейских, с первой до последней страницы. Словом, это нечто удивительное...

*Лев Данилкин
(Афиша)*

Кейт Аткинсон — настоящее чудо.

Гиллиан Флинн

Столь непринужденному сочетанию комичного и трагичного мог бы позавидовать сам Диккенс — разве что сюжет у Аткинсон выстроен даже хитроумнее.

Хилари Мантел

Талант у Кейт Аткинсон поистине безграничный.

Маргарет Форстер

Кейт Аткинсон — поразительный мастер. Она произвела революцию в жанре детектива...

Мэмм Хейз

Кейт Аткинсон — обязательное чтение. Я обожаю все, что она пишет.

Харлан Кобен

Каждую новую книгу Аткинсон ждешь, как Рождества: никто другой из наших современных писателей не способен так виртуозно балансировать на грани между серьезным и увлекательным, комичным и трагичным.

Sunday Telegraph

Один из самых блестящих, остроумных авторов нашего времени.

The Scotsman

По литературному мастерству, по яркости и глубине психологических описаний Кейт Аткинсон сегодня нет равных.

Evening Standard

Кейт Аткинсон умеет быть загадочной и смешной, поднимая этот свой дар в каждом новом романе до заоблачных высот.

Sunday Tribune

Как это у нее получается? Аткинсон заставляет читателя то хохотать навзрыд, то рыдать в голос — иногда в пределах одной и той же фразы. Выдающийся триумф, неудержимая радость!

The Boston Sunday Globe

Литературная карьера англичанки Кейт Аткинсон вычертила довольно необычный зигзаг: начав с «просто романов», писательница переместилась в нишу детектива, добилась там колоссального успеха, а затем не моргнув глазом вновь вернулась к «просто романам».

Галина Юзефович

Просто невероятно, насколько книги Кейт Аткинсон полны радости жизни, притом что смерть в них отнюдь не редкая гостья. Безудержная энергия пронизывает ее романы от первой до последней страницы, сплавливая воедино прошлое и настоящее...

Guardian

Спасибо

моему агенту Питеру Стросу;

моему редактору Марианне Велманс;

Морин Алан, Хелен Клайн, Умару Саламу, Али Смиту и Саре Вуд за Кембридж в июле, Али Смиту — отдельная благодарность;

Реган Артур, Ив Аткинсон-Уорден, Хелен Клайн и Марианне Велманс за то, что с энтузиазмом читали рукопись;

моему двоюродному брату, майору Майклу Кичу;

Стивену Коттону — он знает за что;

Дэвиду Линдгрёну за историю про овец;

и, наконец, но не в последнюю очередь, Расселлу Экви — богу всех средств передвижения.

Посвящается Эни Макинтайр

И познаете истину,
и истина сделает вас свободными.

Ин. 8: 32

1

Дело № 1, 1970 г. Семейный участок

Вот свезло так свезло. Невозможная жара в самый разгар школьных каникул, как нельзя вовремя. Каждое утро солнце поднималось раньше их, насмехаясь над поникшими летними занавесками в спальне, и наливалось липким зноем обещания, прежде чем Оливия открывала глаза. Оливия, надежная, как петушок, всегда просыпалась первой, и уже три года, с самого ее рождения, никто в доме не заводил будильника.

Оливия была младшей и потому спала в маленькой спальне, оклеенной обоями с героями детских стишков, через которую по очереди прошли они все и из которой каждую в свой срок выдворили. Она была хорошенькая, как ангелок, они все так считали, даже Джулия, которой понадобилось немало времени, чтобы смириться с потерей положения самой младшей в семье, — она занимала его пять отрадных лет, пока не появилась Оливия.

Розмари, их мать, говорила, вот бы Оливия никогда не выросла, такая она *прелесть*. Никого другого из них «прелестью» она не называла. Они даже не подозревали, что в ее лексиконе есть это слово, потому как обычно она ограничивалась сухими «подите сюда», «ступайте», «не шумите», а чаще всего — «хватит». Она заходила в комнату или появлялась в саду, бросала на них свирепый взгляд и говорила: «Что вы там делаете? А ну прекратите», а потом разворачивалась и уходила. И даже если

мать заставляла их за очередной проказой (зачинщицей обычно бывала Сильвия), им всегда казалось, что их обидели несправедливо.

В том, что касалось шалостей, особенно под предводительством сорвиголовы Сильвии, они обладали поистине безграничным потенциалом. Три старшие дочери, почти погодки, были (по общему мнению) «сущим наказанием»; из-за малой разницы в возрасте мать их и не различала, в ее глазах они были лишены индивидуальных черт и фактически слились в одну девочку, поэтому она обращалась к ним наугад — «Джулия-Амелия-Сильвия-или-кто-там» — раздраженным тоном, как будто они сами виноваты в том, что их так много. Оливия, как правило, исключалась из этой нетерпеливой литании, Розмари никогда не смешивала ее с остальными.

Они думали, что Оливия будет последней, кому пришлось спать в маленькой спальне, и что однажды обои с героями стишков наконец отдерут (вернее, их замученная мать отдерет, потому что отец заявил, что нанимать декоратора — только зря деньги тратить) и поклеят какие-нибудь взрослые — с цветами или с пони. Да что угодно будет лучше, чем этот грязно-розовый цвет в комнате Джулии и Амелии, — в палитре он показался им таким многообещающим, но на стенах угнетал. Мать, впрочем, сказала, что у нее нет ни времени, ни денег (ни *сил*) на новый ремонт.

Однако выяснилось, что Оливии предстоит тот же путь, что и старшим сестрам: она простится с кривовато наклеенными Шалтаями-Болтаями и малютками мисс Бумби, чтобы освободить место для *пополнения*, о чьем прибытии Розмари сообщила — как отрезала — накануне днем, раздавая на лужайке состряпанный на скорую руку обед: бутерброды с солониной и апельсиновый лимонад.

«Разве это не Оливия была пополнением?» — изрекла Сильвия, не обращаясь ни к кому в отдельности. Розма-

ри бросила на старшую дочь хмурый взгляд, словно впервые ее заметила. Тринадцатилетняя Сильвия, до недавнего времени энергичная девочка (некоторые сказали бы, чересчур энергичная), обещала стать язвительным и циничным подростком. У нескладной очкастой Сильвии, которой недавно поставили на зубы уродливые скобки, были сальные волосы, гикающий смех и длинные худые пальцы (в том числе и на ногах) инопланетного существа. Некоторые по доброте душевной называли ее «гадким утенком» (прямо в лицо, как будто это комплимент, но Сильвии, разумеется, так не казалось), воображая, как, повзрослев, она избавится от скобок, обзаведется контактными линзами и грудью и расцветет в лебеда. Розмари не видела в Сильвии лебеда, особенно когда у той в скобках застревал кусок солонины. Сильвия с некоторых пор ударилась в религию — заявила, что с ней Бог говорил. Розмари думала, может, это нормальный этап для девочки-подростка, может, у одних на уме поп-звезды, у других пони, а у третьих — Бог? В итоге она решила не придавать значения этим беседам с Всевышним. По крайней мере, это бесплатная прихоть, а вот пони обошелся бы в целое состояние.

И еще эти странные обмороки. Врач сказал, что Сильвия «слишком быстро растет». Розмари сочла объяснение ненаучным, но решила игнорировать и обмороки тоже. Наверняка Сильвия просто хочет привлечь к себе внимание.

Розмари вышла замуж за их отца, Виктора, когда ей было восемнадцать — всего на пять лет больше, чем сейчас Сильвии. Сама мысль о том, что через пять лет Сильвия теоретически сможет выйти замуж, казалась Розмари смехотворной и укрепляла во мнении, что в свое время ее родители должны были помешать ее браку с Виктором, ведь она была еще ребенком, а он — взрослым тридцатипятилетним мужчиной. Она часто ловила себя на том,

что ей хочется выговорить матери с отцом за недостаток родительской заботы, но мать умерла от рака желудка вскоре после рождения Амелии, а отец снова женился, перебрался в Ипсвич и коротал дни на ипподроме, а вечера — в пабе.

Если через пять лет Сильвия приведет в дом тридцатилетнего любителя свежатинок (особенно если тот объявит себя великим математиком), думала Розмари, она лично вырежет ему сердце кухонным ножом. Эта воображаемая картина так ее потешила, что объявление о *пополнении* было временно позабыто, и, когда послышался мелодичный перезвон фургона с мороженым, она благосклонно кивнула девочкам.

Трио Сильвия-Амелия-Джулия знало, что ни о каком *пополнении* речи не идет и что «зародыш», как его упорно называла Сильвия (она увлекалась естественными науками), из-за которого мать стала такой раздражительной и вялой, наверняка очередная отчаянная попытка их отца обзавестись сыном. Он не был из тех отцов, что души не чают в дочерях, и не проявлял к ним особой нежности, только Сильвия иногда удостаивалась его расположения за «способности к математике». Виктор был математиком и жил богатой интеллектуальной жизнью, в которую семья не допускалась. Времени дочерям он почти не уделял — вечно был либо на факультете, либо в своей квартире в колледже, а дома закрывался в кабинете, иногда со студентами, но чаще в одиночестве. Отец никогда не водил их в открытый бассейн в Иисусовом парке, не играл с ними в дурака, не подбрасывал в воздух, никогда не качал на качелях, не брал на реку кататься на лодке, не водил в походы или на экскурсию в Музей Фицуильяма. Его скорее отсутствие, чем присутствие в их жизни — все, чем он был и чем не был, — олицетворялось священным пространством его кабинета.

Они бы очень удивились, узнав о том, что когда-то кабинет был светлой гостиной с окнами в сад, где прежние

обитатели неспешно и с удовольствием завтракали, где женщины коротали дни за шитьем и любовными романами и где по вечерам вся семья собиралась сыграть в криббидж или в скребл под радиопостановку. Именно такую жизнь и предвкушала новобрачная Розмари, когда они в 1956 году купили этот дом, заплатив куда больше, чем могли себе позволить. Но Виктор сразу же заявил на комнату свои права, загромоздил ее тяжелыми книжными полками и уродливыми дубовыми шкапами для документов и ухитрился превратить в берлогу, куда не проникал дневной свет и где всегда воняло дешевым табаком. Утрата комнаты была ничем по сравнению с утратой мечты о жизни, которой Розмари намеревалась ее наполнить.

Что именно он там делал, было для них всех тайной. Должно быть, нечто настолько важное, что домашняя жизнь в сравнении была сущим пустяком. Мать говорила им, что он *великий математик* и занят научным трудом, который однажды его *прославит*, хотя, когда дверь кабинета изредка бывала открыта и им удавалось мельком увидеть отца за работой, он, казалось, просто сидел за столом, вперив взгляд в пространство.

Во время работы его ничто не должно было беспокоить, и меньше всего — вопящие, визжащие, буйные девочки. Полная неспособность этих самых буйных девочек воздержаться от воплей и визгов (не говоря уже о криках, реве и непостижимом для Виктора вое, напоминавшем волчий) не шла его отношениям с дочерьми на пользу.

Сколько Розмари их ни бранила — всё как с гуся вода, но один вид Виктора, который тяжелой поступью выходил из кабинета, как медведь, разбуженный от спячки, внушал им странный ужас, и, хотя они нарушали все до единого материнские запреты, исследовать кабинет им не приходило в голову. Они допускались в мрачные глубины логова Виктора, только когда им требовалась помощь с математикой. Для Сильвии это еще было терпимо — приложив усилия, она могла разобрать жирные каран-

дашные закорючки, которыми Виктор нетерпеливо покрывал бесконечные листы линованной бумаги, но что до Амелии с Джулией, для них пометки Виктора были как египетские иероглифы. Они старались не думать о кабинете, а если и вспоминали о нем, то как о камере пыток. Виктор винил Розмари в отсутствии у девочек склонности к математике, — очевидно, они унаследовали ее неполноценный женский мозг.

Мать Виктора, Эллен, успела оставить в жизни сына сладкий и благоуханный след своего присутствия. В 1924-м ее отправили в психиатрическую лечебницу; Виктору тогда было только четыре года, и семья решила, что мальчику не стоит бывать в подобном заведении. Он вырос, представляя ее буйной сумасшедшей викторианской эпохи: в длинной белой ночной рубашке, со всклокоченными волосами, она бродила ночами по коридорам лечебницы, несвязно бормоча, — и только много позже он узнал, что его мать не «сошла с ума» (семейное выражение), а родила мертвого ребенка и страдала от тяжелой послеродовой депрессии. Она не буянила и не лепетала бессмыслицу, но проводила все дни в грусти и одиночестве в комнате, украшенной фотографиями Виктора, пока не умерла от туберкулеза, когда Виктору было десять.

К тому времени Освальд, отец Виктора, отправил сына в школу-интернат, и, когда сам Освальд погиб, упав в ледяные воды Южного океана, Виктор весьма спокойно воспринял эту новость и уже через минуту снова корпел над заковыристой математической задачей.

До войны отец Виктора занимался делом самым темным и бесполезным для англичанина — он был полярным исследователем, и Виктор даже обрадовался, что ему больше не придется равняться на героический образ Освальда Ленда и он сможет стать великим на своем собственном, менее героическом поприще.

Виктор познакомился с Розмари в отделении скорой помощи больницы Адденбрука, где она была сестрой-практиканткой. Он повредил запястье, оступившись на лестнице, но Розмари сказал, что на Ньюмаркет-роуд его «подрезала» машина и он упал с велосипеда. Ему понравилось, как прозвучало это «подрезала», — это было слово из мужского мира (мира его отца), полноценным обитателем которого ему так и не удалось стать, а упоминание Ньюмаркет-роуд позволяло скрыть, что он живет затворником в ограниченном пространстве между колледжем Святого Иоанна и математическим факультетом.

Если бы не это знакомство в больнице, случайное во всех смыслах, у Виктора, возможно, никогда бы и не было девушки. Средний возраст приближался вовсю, а его общение было все так же ограничено шахматным клубом. Виктору никогда по-настоящему никто не был нужен, более того, он находил идею совместной жизни странной. Математика занимала почти все его время, и он был не совсем уверен, для чего ему жена. Женщины казались ему обладательницами всевозможных нежелательных качеств, главным образом сумасшествия, а также связаны были в его голове с неприятными и чуждыми физиологическими моментами: кровью, сексом, детьми. И все же какая-то часть его жаждала заботы и тепла, которых так не хватало в детстве, поэтому, прежде чем он успел осознать, что происходит, — словно ошибившись дверью — Виктор обнаружил, что пьет чай в коттедже в сельском Норфолке, а Розмари, робко улыбаясь, демонстрирует родителям знаменующее помолвку кольцо (довольно дешевое) с бриллиантовой крошкой.

Если не считать колючих отцовских благословений перед сном, Виктор был первым мужчиной, который поцеловал Розмари (хотя и неуклюже — впившись в нее, как морской слон). Отец Розмари, стрелочник на железной дороге, и ее мать-домохозяйка были ошарашены, когда она привела домой Виктора. Они исполнились благо-

говения к его несомненному высокому интеллектуальному статусу (очки в черной оправе, потертый спортивный пиджак, рассеянный вид), а возможно, и гениальности (Виктор не стал особенно спорить) и изумлялись, что он выбрал в спутницы жизни их дочь — девушку тихую и легко поддающуюся влиянию, на которую прежде никто не обращал внимания.

Их вовсе не беспокоило, что жених вдвое ее старше, правда, когда счастливая пара отбыла восвояси, отец Розмари, мужчина в полном смысле слова, заметил, что Виктор «в физическом плане так себе». Его супругу же озаботило лишь то, что Виктор, хоть и представился доктором, от болей в животе так ничего и не посоветовал. Зажатый в угол за чайным столиком, покрытым скатертью из мальтийских кружев и уставленным миндальным печеньем, девонширскими булочками и маковыми пирожками, Виктор в конце концов изрек: «Полагаю, это несварение, миссис Вэйн» — ошибочный диагноз, который она приняла с облегчением.

Оливия открыла глаза и принялась довольно рассматривать картинки на обоях. Джек и Джилл безуданно поднимались в горку, Джилл несла деревянную кадущку, которую ей не суждено было наполнить водой; неподалеку на том же склоне крошка Бо-Пип искала своих овечек. Оливия не слишком беспокоилась о судьбе стада, потому что видела симпатичного барашка с голубой ленточкой на шее, спрятавшегося за изгородью. Оливия не совсем понимала, что такое *пополнение*, но она была бы рада ребенку. Больше всего на свете она любила малышей и животных. У себя в ногах она чувствовала тяжесть Плу-та, домашнего терьера. Плуту строго-настрога запрещалось спать у девочек, но каждую ночь кто-нибудь из них тайком заводил его к себе в комнату, хотя к утру он обычно перебирался к Оливии.

Оливия осторожно потрясла Голубого Мышонка: пора просыпаться. Голубой Мышонок, мягкая, длиннолапая зверюшка из махровой ткани, была оракулом для Оливии, и она советовалась с ним по любому поводу.

Яркая полоска солнечного света медленно ползла по стене, и, когда она достигла прячущегося за изгородью барашка, Оливия вылезла из постели и послушно сунула ножки в маленькие розовые тапочки с кроличьими мордочками и ушками — предмет отчаянной зависти Джулии. Остальные не давали себе труда носить тапочки, а теперь стало так жарко, что Розмари не могла заставить их надеть даже туфли. Но Оливия была послушным ребенком.

В этот самый момент Розмари, лежа в постели, проснувшись, но не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, словно костный мозг в них превратился в свинец, размышляла, как бы оградить Оливию от дурного влияния троицы. Ей нездоровилось в связи с ее положением, и она думала, вот было бы чудесно, если бы Виктор вдруг перестал храпеть, проснулся и спросил: «Тебе что-нибудь принести, дорогая?» А она бы сказала: «Да, пожалуйста, чаю без молока и тост с маслом, спасибо, Виктор». И как бы на горе засвистел.

Ох уж эта плодовитость. От противозачаточных таблеток у нее поднималось давление, спираль не держалась, а презервативы Виктор считал оскорблением мужского достоинства. Она была для него просто племенной кобылой. Если в беременности и было что-то хорошее, так это перерыв в сексе. Она говорила ему, что это плохо для ребенка, и он верил ей, потому что ничего не знал ни о беременности, ни о женщинах, ни о детях, ни вообще о жизни. Она вышла замуж девственницей и вернулась из недельного свадебного путешествия в состоянии шока. Конечно, ей нужно было сразу же уйти от него, не оглядываясь, но Виктор уже начал высасывать из нее силы. Иногда ей казалось, что он питается ее энергией.

Если бы у нее были силы, она встала бы, уползла в свободную гостевую спальню и легла на жесткую односпальную кровать с накрахмаленной белоснежной простыней, туго подвернутой под матрас. Комната для гостей была в доме как воздушный карман с нетронутой атмосферой и неистоптанным ковром. Сколько бы детей у нее ни было, даже если бы она рожала каждый год, как корова (при таком раскладе она покончила бы с собой), никому из них никогда не занять первозданное пространство этой комнаты — чистой, нетронутой, принадлежащей ей одной.

А еще лучше — на чердак. Можно было бы настелить там пол, выкрасить стены белым и сделать дверь-люк, и она забралась бы туда, подняла дверь, будто разводной мост, и никто бы ее не нашел. Розмари представила, как семейство бродит из комнаты в комнату и зовет ее, и рассмеялась. Виктор заворчал во сне. Но потом она подумала об Оливии, как та блуждает по дому и не может ее отыскать, и страх ударил под дых. Придется взять Оливию с собой на чердак.

Сам Виктор пребывал в блаженном состоянии между бодрствованием и сном, не оскверненным горечью повседневной жизни — жизни в доме, полном женщин, которые были для него чужими.

Оливия, уютно пристроив большой палец во рту и прижав к себе Голубого Мышонка, прошлепала по коридору в спальню Джулии и Амелии и вскарабкалась на постель к Джулии. Той снился какой-то бешеный сон. Всклопоченные, мокрые от пота волосы прилипли к голове, а губы непрерывно бормотали, — видно, она сражалась с неведомым чудищем. Джулия всегда спала очень крепко: она разговаривала и ходила во сне, боролась с простынями, а просыпалась резко, уставившись вытаращенными глазами на уже исчезнувших призраков. Иногда драмы

во сне достигали такого накала, что она просыпалась в смертельном ужасе с приступом астмы. Амелия и Сильвия считали Джулию жуткой занозой. Настроение у нее менялось молниеносно: она могла молотить кулаками и пинаться, а уже через минуту мурлыкать и лезть с поцелуями. Когда Джулия была помладше, с ней случались самые безобразные припадки, и даже теперь она чуть ли не каждый день закатывала истерику по тому или иному поводу и пулей вылетала из комнаты. Обычно Оливия выходила вслед за ней и пыталась успокоить сестру — остальным не было дела. Оливия, похоже, понимала, что Джулии всего-навсего нужно внимание (а точнее, ужасно много внимания).

Оливия потянула Джулию за рукав ночной рубашки, но Джулия просыпалась далеко не сразу. Амелия на соседней кровати уже не спала, но и глаза не открывала, ловя последние капельки сна. Кроме того, она знала, что, если притворится спящей, Оливия заберется к ней в постель, обхватит ее за руку или за ногу, как обезьянка, прижмется своим сухим и горячим загорелым тельцем, а Голубой Мышонок сплющится между ними, как губка.

До рождения Оливии Амелия делила комнату с Сильвией, что, несмотря на все недостатки, было определенно лучше, чем иметь в соседках Джулию. Между разнополярными Сильвией и Джулией Амелия чувствовала себя потерянной, бесцветной и лишенной индивидуальности. Ей казалось, что она, вне зависимости от числа *пополнений*, всегда будет затеряна где-то посередине. Амелия была более вдумчивой и педантичной, чем Сильвия. В Сильвии же восторженность брала верх над рассудительностью (вот почему, по словам Виктора, из нее не получился бы великий математик). У Сильвии, конечно, были не все дома. Она как-то сказала Амелии, что беседовала с Богом (ну и заодно с Жанной д'Арк). Если бы Богу и вздумалось с кем-нибудь поговорить, едва ли Он выбрал бы Сильвию.

Сильвия обожала секреты, и, даже если секретов у нее не было, она делала все, чтобы убедить других в обратном. У Амелии не было секретов, Амелия ничего не знала. Поэтому она решила, что когда вырастет, то будет знать все и держать это все в секрете.

Означало ли *пополнение*, что мать, повинуясь очередному капризу, снова устроит перестановку? С кем тогда будет жить Оливия? Когда-то они дрались из-за того, с кем будет спать собака, теперь боролись за ласки Оливии. Всего в доме было пять спален, но одна всегда оставалась гостевой, хотя никто из девочек не мог припомнить, чтобы у них когда-нибудь ночевали гости. Теперь мать начала поговаривать о том, чтобы *обустроить* чердак. Амелии нравилась эта идея — комната наверху, подальше от всех. Она представляла винтовую лестницу и стены, выкрашенные в белый цвет, а еще белый диван, белый ковер и прозрачные белые шторы. Она решила, что, когда вырастет и выйдет замуж, у нее будет один-единственный ребенок, само совершенство (точь-в-точь как Оливия), а жить они будут в белом доме. Когда она пыталась представить живущего вместе с ней в этом белом доме мужа, возникал лишь смутный образ, тень мужчины, который, встречаясь с ней на лестнице и в коридорах, бормотал вежливые приветствия.

К тому времени как Оливия разбудила их всех, было уже почти половина восьмого. Завтрак они готовили себе сами, за исключением Оливии, которую усаживали на подушку и кормили: Амелия — хлопьями с молоком, а Джулия — нарезанным тостом. Оливия принадлежала им, она стала их любимой игрушкой, потому что мать была измотана *пополнением*, а отец был великим математиком.

Джулия, уплетая за обе щеки (Розмари утверждала, что в животе у дочери сидит лабрадор), ухитрилась порезаться ножом для хлеба, но Сильвия зажала ей рот рукой, как хирургической маской, и предотвратила вопли, кото-

рые наверняка разбудили бы родителей. Без пореза или ссадины у них дня не проходило. По словам матери, они были не дети, а тридцать три несчастья. Она постоянно возила их в больницу в Адденбрук: Амелия докувыркалась до сломанной руки; Сильвия ошпарила ногу, наполняя грелку; Джулия рассекла губу, прыгнув с крыши гаража; снова Джулия — прошла через стеклянную дверь на глазах у изумленно вылупившихся Амелии с Сильвией (как она могла *не увидеть дверь?*); и конечно же, эти странные обмороки Сильвии, которая переходила из вертикального положения в горизонтальное без всякого предупреждения, — кровь отливала от лица, губы пересыхали, а о том, что она жива, свидетельствовало лишь подрагивание век.

Только Оливия не была подвержена этой всеобщей неуклюжести: за свои три года она не нажила ничего серьезнее пары синяков. Что же касалось остальных, то мать говорила, что, проводя столько времени в больнице, она с таким же успехом могла бы доучиться на медсестру.

Главная кутерьма, конечно, была, когда Джулия отрезала себе палец (ее прямо-таки тянуло к острым предметам). Джулия, которой тогда было пять лет, незаметно для матери забрела на кухню; когда Розмари прекратила яростно шинковать морковь и обернулась, пальца уже не было, а застывшая Джулия в немом удивлении держала руку на весу, показывая рану, будто святой ребенок-мученик. Розмари обмотала окровавленную руку кухонным полотенцем, сгребла дочь в охапку и побежала к соседке, а та под визг пережатых тормозов отвезла их в больницу. Сильвия с Амелией остались разбираться с крошечным бледным пальчиком, позабытым на кухонном линолеуме.

(Находчивая Сильвия бросила палец в пакет замороженного горошка, и они с Амелией поехали в больницу на автобусе; Сильвия всю дорогу сидела, вцепившись в тающий горошек, словно от него зависела жизнь сестры.)

Содержание

1. Дело № 1, 1970 г. Семейный участок	9
2. Дело № 2, 1994 г. Самый обычный день	30
3. Дело № 3, 1979 г. Все ради долга, ничего по любви.....	42
4. Джексон.....	54
5. Амелия.....	78
6. Тео, 2004 г.	99
7. Каролина.....	108
8. Джексон.....	121
9. Амелия.....	145
10. Тео.....	159
11. Джексон	169
12. Каролина.....	197
13. Амелия.....	207
14. Джексон	225
15. Тео.....	246
16. Каролина.....	253
17. Джексон	258
18. Амелия.....	272
19. Джексон	282
20. Дело № 4, 1971 г. Невинные души.....	291
21. Джексон	300
22. Каролина.....	318
23. Дело № 3, 1979 г. Все ради долга, ничего по любви.....	321
24. Тео.....	325
25. Дело № 2, 1994 г. Самый обычный день	327
26. Амелия.....	337
27. Дело № 1, 1970 г. Семейный участок	341
28. А Джулия сказала.....	349

Литературно-художественное издание

КЕЙТ АТКИНСОН
ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОШЛОГО

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Елена Микерина
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректор Анна Быстрова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 31.01.2020. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 22. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-00, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах, а также условия сотрудничества
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Y-RBD-26332-01-R